
ОТ ОБИТАТЕЛЕЙ К ГРАЖДАНАМ: ЖИТЕЛИ НЕФОРМАЛЬНОГО ПОСЕЛЕНИЯ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ БИШКЕКА

Элиза Исабаева

Подробный анализ данных этнографического исследования периферийного неформального поселения города Бишкека позволяет в рамках данной статьи описать характеристики его жителей. Автор задается вопросом о том, насколько адекватной является категория «захватчика», применяемая к поселенцам, особенно при учете их сопротивления этой идентификации. Анализируемые истории показывают, каким образом государственные чиновники вовлечены в воспроизводство «нелегального» статуса поселения. Несмотря на социальную стигматизацию и маргинализацию, игнорирование проблем поселенцев чиновниками, его жители борются за признание в качестве полноправных граждан. Применение концепции гражданства позволяет показать взаимосвязь политических, экономических и общественных институтов и практик в процессе борьбы за правовое признание.

Ключевые слова: самозахват земли, неформальное поселение, гражданство, исключение, включение, Бишкек

«Тюльпановая революция», начавшаяся в кыргызской провинции в 2005 г., быстро достигла столицы страны, Бишкека. Ее называют революцией местных элит (Radnitz 2006: 133) из-за работы организаций, выведших на улицы людей, недовольных парламентскими выборами (O Beachain 2009). Это было очевидной причиной, вызвавшей народное недовольство. Однако существовали и более глубокие проблемы, такие как коррупция и разделение политических элит между северными и южными группами (Temirkoulov 2004; Radnitz 2006; Marat 2008; Tudoroiu 2007). Вслед за революцией близкие к Бишкеку земли оказались объектом самозахвата.

Элиза Исабаева – аспирант, университет Цюриха, Швейцария. Электронная почта: isabaeva@gmail.com

Люди захватывали казавшиеся свободными районы города для застройки собственными домами. «Захватчики»¹ быстро выстроили там свои жилища, чтобы обеспечить легитимное присутствие на этих территориях. Таким образом появились поселения, которые прозвали «новостройками» или «*жаны конуш*» по-кыргызски.

Спустя десять лет после захвата эти поселения существуют, несмотря на плохое инфраструктурное и социальное обеспечение. Более того, некоторые из них так и остались непризнанными муниципальной администрацией Бишкека – они не считаются частью города, а их жители называются «нелегалами». Один из случаев взят мною в качестве примера, чтобы показать стратегии, которые используют жители Кызыл Жер² (мое исследовательское поле) для получения полноправного гражданства. Он позволяет продемонстрировать три стадии достижения признания. В первые годы существования поселения, его жители оказались исключенными действиями государственной власти. Затем они были маргинализированы и этот процесс продолжается и сегодня. Наконец, последняя стадия включает формальную легализацию поселения в качестве одного из районов города, что позволит жителям получить необходимые документы (прописку, свидетельства о собственности и рождении, паспорта) и доступ к государственным услугам, а также избавиться от маргинального статуса.

До тюльпановой революции территория Кызыл Жер принадлежала Аламединскому району Чуйской области, на которой располагается Бишкек. Бывший депутат арендовал землю под строительство рынка, но проект так и не был реализован. Когда на этом месте появилось поселение, администрация района отказалась взять его на баланс ввиду отсутствия средств в бюджете. Бишкек также не признает территорию своей. Так возникла проблема с административной принадлежностью поселения. Тем не менее легализация поселка продолжается.

В статье я показываю, как разные акторы влияют на трансформацию статуса гражданина через правовое (не) признание, маркетизацию социальных благ и народное сопротивление в форме протестных действий. Эти области влияния принадлежат разным сферам: государству, рынку и гражданскому обществу. В то же время они составляют гражданство само по себе – сложную смесь практик и социальных институтов. Исследование Кызыл Жер проводилось в январе-августе 2012 г., за которыми последовали еще две короткие поездки в поле в январе и июле 2013 г. Я пользовалась методами полуструктурированных интервью и включенного наблюдения. В интервью поднимались такие темы как жилые условия, история возникнове-

¹ Русскоязычный термин «захватчик» широко используется в Кыргызстане для обозначения скваттеров, в том числе ими самими. Его кыргызский эквивалент практически не употребляется.

² Для соблюдения конфиденциальности, название поселения изменено.

ния Кызыл Жер, стратегии по преодолению повседневных проблем жителей и практики взаимодействия с государственными служащими. Включенное наблюдение в качестве метода исследования оказалось более продуктивным, чем интервьюирование. Заслужить доверие поселенцев оказалось непросто – они не стремились рассказывать в деталях о своей жизни незнакомке. «*Даже наше государство не интересуется нами, откуда же у тебя такой интерес?*» – спрашивал один из информантов, выдавая своим вопросом пропасть между государством и маргинализированными, недокументированными мигрантами в Бишкеке. Помимо бесед с местными жителями, были также собраны интервью с государственными чиновниками, занимающимися городским планированием, внутренней миграцией и социальной работой.

Далее речь пойдет об аналитических концепциях, которые позволяют позиционировать поднимаемые проблемы в более общем контексте исследований гражданства. Затем я представляю «захватчиков» в городской среде Бишкека и критикую адекватность такого определения жителей Кызыл Жер. Рассматриваются три стадии процесса легализации поселения и поселенцев: (а) исключение и государственное игнорирование проблемы; (б) социальная стигматизация и маргинализация; (в) формальная легализация и надежды на полное включение в городскую жизнь и среду. В свете дискуссии о легальности обсуждается роль государства, поскольку нелегальные практики и действия правительства не являются взаимоисключающими процессами. Напротив, они составляют симбиоз (Heyman, Smart 1999: 1): то, что называется нелегальным, включает участие государственных агентов.

Обитатели Бишкека

Как полагает Гершон Шафир, «традиция гражданства первоначально являлась общей рамкой политической жизни» (Shafir 1998: 3). Гражданство определяло статус членства в греческом городе-государстве, *полисе*. В Римской империи концепт расширился включением модифицированного понимания свободы. Появление современных государственных общностей, основанных на идее общих благ, привело к пониманию гражданства как активности или практики, а не просто правового статуса личности (Shafir 1998: 11). В послевоенный период гражданство в качестве набора прав проблематизировалось в лекциях «Гражданство и социальный класс» Томаса Маршалла, который ввел в научную дискуссию три типа прав гражданства: гражданские права, гарантирующие личную свободу; политические права, обеспечивающие политическое участие и власть; социальные права, включающие гарантии социальных благ и безопасности и представляющие собой право «на жизнь в качестве цивилизованного человека в соответствии со стандартами, распространенными в обществе» (Marshall 1950: 11).

Именно в связи с социальными правами *государство* входит в повседневность граждан. Ожидания предоставления необходимых ресурсов от государства позволяют гражданам выставлять социальные требования в случае их отсутствия. Так, если социальные блага не предоставляются, то «по мнению большинства жителей, основная вина за это возлагается на государство как единственный источник инфраструктурных услуг и помощи нуждающимся» (Finke 2005: 117). Хотя идея социальных прав соотносилась с идеологией социализма, вывод Маршалла заключался в том, что гражданство и капитализм являются антагонистами, постоянно генерируя социальный конфликт (Marshall 1950: 29).

Случай постсоветского Кыргызстана дает удачный пример такого конфликта, когда недокументированные мигранты из периферийных регионов страны требуют от государства признания их полноправного членства в городской среде Бишкека. Отсутствие надлежащих документов, таких как прописка, которые обеспечили бы им официальный статус в столице и доступ к социальным услугам, заключает их в положении «невидимок», работающих в неформальной, теневой области. Я использую термин Томаса Хаммара – «обитатель», – чтобы проиллюстрировать стратегии включения в полноправное гражданство жителей незаконно заселенных территорий. Он разделяет понятия «гражданин» и «обитатель»: если первое означает формальное гражданство, то второе – постоянных жителей или иммигрантов, обладающих некоторым набором социальных (но не политических) прав. Это обстоятельство отличает их от обычных иностранцев или постоянно перемещающихся мигрантов (цит. по Bauböck 1991). Я использую термин Хаммара по отношению к внутренним мигрантам в Кыргызстане, поскольку их положение напоминает описанное. Бишкекские «обитатели» живут в городе уже много лет и, как они сами сообщают в интервью, никуда не собираются уезжать, поскольку приехали на постоянное место жительства (см. также Alumbaeva 2013). Однако их намерения встречают определенные препятствия, в том числе отсутствие прописки, жилья и стесненное экономическое положение. Роль государства в этой ситуации противоречива: иногда оно заботится о своих обитателях, а порой снимает с себя всяческую ответственность, а его институциональные нормы не позволяют быстро интегрироваться в городскую жизнь и способствуют маргинализации. Такое отношение среднеазиатских государств к гражданам позволяет Джону Хизершоу сделать заключение, что эти государства «одновременно вездесущие и постоянно отсутствующие, могущественные и бессильные, продуктивные и бесплодные» (Heathershaw 2013: 30).

У обитателей Бишкека нет гражданства в силу их исключения из правового поля через отсутствие прописки. Однако они все равно получают определенные социальные права обходными путями: доступ к школам города, который должен бы быть закрыт для их детей из-за отсутствия прописки; получение мини-кредитов, хотя они не могут предоставить за-

емщикам документы на собственность в качестве гарантий; частично решена проблема с электричеством и питьевой водой, которые долгое время не предоставлялись вовсе в силу нелегального статуса поселения. Они, тем не менее, понимают статус обитателей как переходный, поскольку стремятся в любом случае к полноправному гражданству.

В Кыргызстане доступ к гражданству зависит от наличия частной собственности (и прописки в собственном жилище). Однако маловероятно, что мигранты из деревень, прибывшие в город в поисках работы, могут позволить себе квартиру в столице ввиду высоких цен на недвижимость. Для них было бы проще стать полноправными гражданами в случае наличия собственного дома, так как «собственность поддерживает претензии на членство и гражданство» (Lund 2011: 74). Взаимосвязь между гражданством и собственностью может быть и обратной, поскольку «гражданство и членство в общностях может оказаться способом сохранения собственности» (Lund 2011: 74). В нашем случае наличие жилья для требования гражданства является более правдоподобным сценарием, чем обратный порядок, поскольку институт прописки требует признанный регистрационный адрес для взаимодействия с государством по поводу гражданских прав. Поэтому при наличии признаваемого жилого помещения, все обитатели Кызыл Жер могут стать полноправными гражданами. С другой стороны, прописка становится малозначительной, если жилье, которым человек обладает, остается непризнанным законом. В этом замкнутом круге развивается история обитателей Кызыл Жер.

А кто тут захватчик?

Как уже упоминалось ранее, Кызыл Жер образовался в результате массовой нелегальной застройки в период после «Тюльпановой революции» в марте 2005 г. Группа людей, известных как *топбаши*, которые, по сообщениям информантов, были каким-то образом связаны с государственными чиновниками, захватили территорию Кызыл Жер и стали раздавать ее членам семьи, друзьям и знакомым. Когда все близкие родственники были обеспечены наделами, *топбаши* принялись торговать оставшейся землей передавая ее в собственность любому желающему. Современные обитатели Кызыл Жер предполагают, что *топбаши* обогатились на этих продажах. После завершения сделок, они покинули сцену поселения. Эта история не получила официальных оценок, однако жители уверены, что вырученные деньги были поделены между *топбаши* и их поделщиками. Опираясь на поддержку государственных чиновников, *топбаши* обладали символической властью, санкционирующей распределение земельных участков по устанавливаемым ими ценам. Более того, связи с государственной бюрократией позволили им избежать правовой ответственности.

Репутация *топбашы* в поселении очень низкая. Они сравниваются с лающими собаками, их именуют «мафией», так же, как и текущего главу поселка и его помощников. Этот словарь демонстрирует скорее теневой характер ведения дел в Кызыл Жер и «грязные практики государства» (Fawaz 2009: 200), чем отсылает к реальным мафиозным структурам. «*Топбашы!*» – ответят жители Кызыл Жер, если спросить их о том, каким образом появилась их «новостройка». Некоторые также назовут имена нескольких чиновников. «Мафия» и государственная бюрократия редко разделяются в восприятии обитателей поселения. В работе о неформальной экономике в постсоветском Узбекистане Йоан Расанаягам замечает, что местные жители часто используют слово «мафия» для рассказа о чиновниках. Он делает вывод, что взаимодействие с государством понимается как неформальное и личное. Более того, он предлагает посмотреть на неформальные действия как на одну из форм более общего тренда деформализации государства, общества и жизненных миров после распада Советского Союза (Rasanayagam 2011). Представляется, что вовлечение государства в производство нелегальности является уникальным случаем Бишкека. Чиновники, находящиеся в постоянном поиске ренты (Engvall 2011), вовлекаются в неформальные практики и производят нелегальные действия. Нелегальность, о которой сообщали мои информанты, расценивается ими с позиции государства и определяется как противоречие с официальным законом. Незаконные акты являются одновременно неформальными.

Очевидно, что самовольный захват земель как совершение определенных физических действий нарушает законы Кыргызстана и осуждается государственными органами. Однако, как заметил Николай Карбаинов, описывая схожие события в Улан-Удэ, незаконный захват земли является чем-то большим, чем простое физическое действие; он считает, что следует также учитывать ту воображаемую действительность, при помощи которой захватчики поясняют свои действия (Карбаинов 2007). Мои информанты в Кызыл Жер обосновывали появление поселения такими суждениями как: «у нас не было другого выхода» и «мы были вынуждены». Они связывают свои действия с необходимостью выживания перед вызовами безработицы и разрушающейся инфраструктуры в провинциальных областях страны, где они проживали ранее. Балихар Сангера определяет пять моральных оснований незаконного захвата земель. Во-первых, мигранты отстаивают право на основные блага, в том числе на жилище, для ведения нормальной человеческой жизни. Во-вторых, городские бедные не чувствуют никакого уважения к правам собственности состоятельного класса в то время как их права нарушаются. В-третьих, бедняки оправдываются тем, что высокопоставленные чиновники сами воруют национальное достояние, а потому вполне легитимно захватить часть земли, для того чтобы свести концы с концами. В-четвертых, они

обосновывают захват правом на жилье для каждого, содержащегося в обещаниях земельного кодекса и правительства. Наконец, они вопрошают, почему незаконным будет считаться их нужда, если захват земли политиками является законным (Sanghera 2010: 3). В той же логике представлены аргументы Эрнандо де Соты по поводу «правовых целей»: «чтобы выжить, мигранты вынуждены прибегать к неформальным практикам... Их незаконные действия не являются асоциальными по своим намерениям, в отличие от траффика наркотиков, кражи или похищения; напротив, по своей задумке они преследуют исключительно правовые цели – такие как строительство дома, предоставление услуги или развитие бизнеса» (Soto 2002: 12).

Сегодня жители Кызыл Жер сопротивляются тому, чтобы их называли захватчиками. Они проводят четкую черту между собой и *топбашы*, поскольку в отличие от последних они приобрели свои дома в поселении. Таким образом, есть несколько типов обитателей в Кызыл Жер: (1) *топбашы* или государственные люди, как их иногда называют из-за связей с чиновниками; (2) захватчики, которые присоединились к заселению земли во время «Тюльпановой революции»; (3) обитатели Бишкека, которые купили себе дом на этой территории.

Три стадии достижения гражданства

В этой части статьи обсуждаются повседневные стратегии обитателей Кызыл Жер, которые они используют для достижения полноправного гражданства. Уже упоминалось, что борьба за полноправное гражданство состоит из трех стадий, первая из которых включает игнорирование проблем государством.

Исключение

Я очень хорошо помню свой первый день в Кызыл Жер зимой 2012 г. Зимы в Кыргызстане не самые теплые, однако та зима была особенно морозной. Я прибыла в поселение в компании социального работника одной из местных НПО в его комфортабельном автомобиле. Социальный работник, которого звали Асан¹, собирался провести несколько часов в конторе главы поселения Кубана и его помощников. В задачи Асана входили консультации жителей поселения по поводу возможностей посещения их детьми городских школ. Мы расположились в конторе не раздеваясь из-за холода. Жители Кызыл Жер входили и выходили, задавая свои вопросы и получая соответствующие ответы. В комнате не было отопления, поэтому все замерзали. Так было во всем поселении, в чем я убедилась позже во время исследовательских мероприятий. Люди

¹ Все имена информантов были изменены для соблюдения анонимности.

рассказали, что они жили без государственного обеспечения электричеством и без водопровода на протяжении шести лет. В эти годы они научились решать проблемы собственными средствами, покупая воду у частных предпринимателей и используя небольшие электрогенераторы (Isabaeva 2013). Информанты часто замечали: «государство игнорирует нас», «государство о нас не заботится вовсе», что демонстрировало действительность нежелательных элементов городского пространства. К тому же, как мне сообщили, в течение этих шести лет жители поселения написали огромное количество жалоб в городскую администрацию, организовали ряд мирных демонстраций пытаясь привлечь внимание к их проблемам. Однако все эти попытки остались неуслышанными – на письма так никто и не ответил, а пикетчики насильственно разгонялись полицией.

Как я выяснила во время полевой работы, в 2005 г. массовое заселение на окраине Бишкека, случившееся в критический для Кыргызстана момент, не было остановлено полицией, поскольку граждане бросили вызов самому государству. Как граждане (по-кыргызски, *жаран*), они потребовали свободы передвижения для возможности заработка и проживания в тех районах, где это было доступно. Спротивление признанию обитателей Кызыл Жер в качестве граждан выказывалось им администрацией района и города в разных формах, в том числе разъяснениями по поводу возможных опасностей. Когда угрозы не сработали, отдел архитектуры Аламединского района выпустил документ, подписанный четырьмя районными чиновниками, где сообщалось:

Аламединское региональное отделение по архитектуре, строительству и контролю информирует вас о том, что ваши дома находятся на оседающей территории, согласно докладу отдела городского планирования. В случае чрезвычайных ситуаций, вызванных природными катастрофами или иными бедствиями с возможным повреждением ваших строений, государственные органы Киргизской республики ответственности не несут.

Удивительно, что подчеркивалась опасность для строений, расположенных на территории поселения, но не упоминалось о его жителях. Текст документа демонстрирует, как государственные органы снимают с себя ответственность по заботе о гражданах/обитателях, перекладывая ее на них. Такое переложение часто предполагает наличие внешних акторов, как показано в примерах Беатрис Ибу (Nibou 1999), касающихся Северной и Центральной Африки. Точно также в Кызыл Жер частные компании занимаются проведением электричества, строительство мечети предпринято на деньги частного мецената, социальные проекты реализуются отдельными НПО, финансируемыми не государством, а международными фондами, а обитатели Кызыл Жер сами собирают средства на организацию необходимого обеспечения. Игра в прятки отлично выполняется кыргызским государством: оно присут-

ствует в качестве требовательной инстанции, когда дело касается формальных документов обитателей поселка, но прячется, как только жители поселения выставляют встречные требования.

Частичное отсутствие государства терпимо до определенной степени, но преодолевая точку терпения поселенцы практикуют активное гражданство (Eckert 2006), требуя права, организуя протест и забастовки, вступая в переговоры с государственной бюрократией, как это случилось в Кыргызстане с 2005 г. В сентябре 2011 г. жители Кызыл Жер организовали очередной полномасштабный протест, заблокировав стратегическую трассу. Этот период оказался подходящим для успешных протестных действий, поскольку в это время в Кыргызстане еще ощущались последствия второго после независимости 1991 г. народного бунта (апрель 2010 г.) и этнического конфликта (июнь 2010 г.). В апреле в результате протестов был свергнут президент Курманбек Бакиев, сменивший Аскара Акаева после «Гюльпановой революции». Временное правительство не смогло взять под контроль накалившуюся политическую ситуацию в стране, сложившуюся после конфликта между кыргызами и узбеками на юге. В период политического кризиса правящие элиты Кыргызстана не хотели иметь дело с новыми протестами, сохранение власти оставалось для них приоритетом, а потому «городские администрации решили легализовать поселения, чтобы снизить политическое и социальное напряжение и исправить положение на разрушающемся рынке недвижимости» (Sanghera et al. 2012: 7). Блокировка трассы была успешна для жителей Кызыл Жер, поскольку высокопоставленные чиновники посетили поселение, чтобы поговорить с ними. В результате переговоров политики обещали решить проблемы и сделать Кызыл Жер районом Бишкека. Важно отметить, почему тогдашний премьер-министр Алмазбек Атамбаев искал хороших отношений с обитателями поселения: на предстоящих выборах президента ему нужны были их голоса. Так нестабильная политическая ситуация влияла на жизни обитателей Кызыл Жер.

Социальная стигма и маргинализация

Жизнь поселенцев действительно стала налаживаться. Государство обеспечило снабжение электричеством и питьевой водой. Частные компании установили электролинии и канализационные колодцы на главной улице поселения, но дома, находящиеся вдали, оставались в прежних условиях. Жителей просили собрать деньги, чтобы провести канализацию и электричество в остальные дома, что они и сделали, помогая государству заполнить брешу. Это желание обитателей Кызыл Жер свидетельствует об их мотивации стать полноправными гражданами через запуск процесса легализации поселения. Они верят, что если жители поселения будут обеспечены водой и электричеством, если повсюду про-

тянутся асфальтированные дороги, которые не будут портить образ столицы, они быстро станут полноправными гражданами. В этом контексте легализация – это не только правовая проблема, но и вопрос избавления от социальной стигмы захватчиков и маргиналов.

Негативное наименование нежелательных мигрантов в Бишкеке – «*мырка*», слово, описывающее деревенщину, неспособного ассимилироваться в городской среде и привыкнуть к манерам горожан. Плохой русский язык, грубые повадки и неопрятный внешний вид – отличительные характеристики *мырки* (Schröder 2010: 455–456). Мойя Флинн и Наталья Космарская также заметили негативное отношение коренных жителей Бишкека к *мыркам*. Однако авторы считают, что внутренние мигранты, которым были приписаны негативные характеристики, стали жертвами более общего контекста социально-экономических, политических и культурных проблем в стране (Flynn, Kosmarskaya 2012: 467). Сепарация от остальных жителей города в результате стала причиной маргинализации обитателей Кызыл Жер. Находясь на окраинах горда, они не только получили меньше возможностей вступать в контакт с остальными горожанами (Flynn, Kosmarskaya 2012: 460), но также были вынуждены решать свои проблемы в одиночку. К примеру, в случае земельных конфликтов, обитатели поселка прежде всего обращаются к Кубану, хотя он и не имеет никакого права решать подобные споры. Иногда местный участковый, являющийся официальным представителем власти, тоже присутствует во время таких конфликтов, однако кроме как выслушать аргументы сторон и совета подать жалобу (*арыз*), он ничего не может сделать. Чаще всего Кубан отделяется таким решением: «*Подай арыз. Твое дело рассмотрит районный суд, когда Кызыл Жер легализуют*». Удивительно, но конфликтующие стороны соглашались на такое решение и почти никогда не спрашивают, когда же это произойдет. Их маргинализация интернализирована и выражается в признании отсутствия возможности правовой защиты, а также в покорном ожидании светлого будущего, когда маргинализация сотрется вместе с нелегальным статусом поселения.

Будущее признание

Процесс легализации остается трудоемким и длительным. Последняя стадия трансформации из обитателей в граждан – это получение статуса полноправных жителей Бишкека, которые больше не подвергаются стигматизации и маргинализации, а также не игнорируются государством. Уступчивость, ресурсность и креативность при поиске решений текущих проблем являются маркерами желания обитателей Кызыл Жер стать полноправными гражданами (Isabaeva 2013). Вот примеры этих практик: многие домохозяйства в поселении делятся электричеством с другими жителями ввиду недостаточности ресурсов, предоставленных государством, оплачивая общий счет за электроэнергию ежемесячно; не-

которые все еще носят питьевую воду из отдаленных мест; многие работают в неформальном секторе и не рассчитывают на государство. Когда же их спрашивают, заплатят ли они налог на собственность в случае легализации их жилищ, они с готовностью отвечают «да». Прагматично понимая, что дорогостоящие квартиры в центре Бишкека или иных легальных районах города им не по карману, ограниченные в средствах к существованию обитатели Кызыл Жер пытаются извлечь максимальную выгоду из текущего положения. С другой стороны, уступчивость и ресурсность используются жителями для получения членства в городском сообществе и легализации их поселения. Нира Ювал-Дэвис рассматривает социальное пространство как принадлежность, включающую эмоциональную привязанность (Yuval-Davis 2006). Обитатели Кызыл Жер, безусловно, выработали эмоциональную привязанность к поселению за годы жизни там. «*Все мои дети живут здесь, в Бишкеке, как я могу вернуться назад?*» – сказала мне одна из информанток, женщина 50-ти лет, связывая Бишкек и семью. Другой информант делится:

Я не могу уехать назад в деревню. Что мне там делать, если я вернусь? Уже много лет я живу в городе, я уже привык. Там, в деревне, я не понимаю их систему. Кроме того, у меня там нет земли, животных нет, дома нет в деревне. Я не могу вернуться в родительский дом со своей собственной семьей. У нас в семье три брата, и у каждого семья есть.

Собеседник подчеркнул экономическую сторону возвращения, указав, что у него нет никаких владений в деревне. Поэтому иметь нелегальный дом в бедном районе незаконного поселения на окраине Бишкека и работу в неформальном секторе экономики представляется ему более перспективной жизненной стратегией.

Еще один случай иллюстрирует мотивацию жителей стать полноправными гражданами, поскольку он касается разработки генплана Кызыл Жер. Мне рассказали, что Аламединский район Чуйской области, к которому относился поселок до 2005 г., должен был разработать генплан развития территории для ее передачи в ведение Бишкека. Однако оправдываясь нехваткой финансов, администрация района отказалась от этой обязанности. Неофициально чиновники сообщили Кубану, что генплан можно купить. Согласно рассказанным мне историям, Кубан собрал жителей поселения и спросил, готов каждый дом вложиться по 500 сом (10–12 дол. США) в покупку, чтобы ускорить процесс легализации Кызыл Жер. Люди согласились. Во время моего исследования, Кубан сообщил, что более половины запрошенной суммы уже собрано. Способность делиться, солидарность и взаимопомощь, а также ресурсы формальных и неформальных сетей формируют путь обитателей Кызыл Жер к полноправному членству в Бишкеке и, следовательно, признанию и соблюдению их гражданских прав.

***

Захват земель не является новым для Бишкека, такое уже случалось в советское время из-за отсутствия свободной жилой площади (Алымбаева 2008). Вторая масштабная волна захвата земли относится к 1989–1991 гг., она связана с распадом СССР и безработицей в сельской местности, которая была им вызвана (Алымбаева 2008; Kostyukova 1994). Безработная сельская молодежь потребовала предоставления земли для постройки домов. Поселения, возникшие в то время, были в конечном итоге признаны государством. В 2000-х гг., появились обитатели новых нелегальных поселений, которые проживают в городе достаточно долгое время без собственного жилья. Воспользовавшись моментом «хрупкости» государственного аппарата после кризиса «Гюльпановой революции» 2005 г., политического переворота и этнического конфликта 2010 г., кыргызстанцы заселили территории на окраинах столицы и принялись требовать юридического признания своих нелегальных поселений как районов города.

Можно сказать, что урбанизация в Кыргызстане следует «классической» модели городского развития, при которой столичный город разрастается из-за внутренней миграции и абсорбирования пригородных территорий. Важно подчеркнуть, что в этом процессе протекает еще один, менее заметный, – процесс формирования нелегальных поселений на окраинах города, в котором участвуют представители государства. Я показала, как жители Кызыл Жер добились частичного доступа к гражданству в три стадии, включающие отрицание их статуса государством, маргинализацию и выработку стратегий ее преодоления, а также протест. Благодаря политической ситуации в Кыргызстане и доступности официальных и неформальных средств для достижения полноправного гражданства, сегодняшние жители Кызыл Жер находятся в процессе трансформации своей идентичности: от стигматизированных и маргинальных захватчиков, *мырок*, нарушителей закона, нелегалов и обитателей они переходят к полноправным и принятым гражданам.

Выражение благодарности

Я хочу поблагодарить анонимных рецензентов за полезные комментарии. Спасибо Александру Кондакову из Европейского университета в Санкт-Петербурге, Ясмин Баррен и Саре Сабри из института Азии и Европы при Университете Цюриха за конструктивные отзывы и мотивацию. Исследование было поддержано финансированием от Фонда Хумер для академических талантов и программой приоритета в области университетской исследовательской деятельности (УРПП) по Азии и Европе.

Список литературы

- Алымбаева А. К вопросу об урбанизации Кыргызстана // *Вопросы истории Кыргызстана*. 2008. (1): 65–77.
- Карбаинов Н. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // *Социологические исследования*. 2007. (11): 136–139.

- Alymbaeva A. International Migration in Kyrgyzstan: a Geographical and Sociological Study of Rural Migration // M. Laruelle (ed.) *Migration and Social Upheaval as the Face of Globalization in Central Asia*. Boston: Brill, 2013: 117–148.
- Bauböck R. *Immigration and the Boundaries of Citizenship*. Warwick: Centre for Research in Ethnic Relations, 1991.
- Soto H. De. *The other Path: The Economic Answer to Terrorism*. New York: Basic Books, 2002.
- Eckert J. From Subjects to Citizens: Legalism from Below and the Homogenisation of the Legal Sphere // *The Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law*. 2006. 38(53–54):45–75.
- Engvall J. *The State as Investment Market: An Analytical Framework for Interpreting Politics and Bureaucracy in Kyrgyzstan*. PhD dissertation. Uppsala University, 2011.
- Fawaz M. The state and the Production of Illegal Housing: Public practices in Hayy el Sellom, Beirut-Lebanon // K. Ali and M. Rieker (eds.) *Comparing Cities: The Middle East and South Asia*. London: Oxford University Press, 2009: 197–220.
- Finke P. *Max Planck Institute for Social Anthropology. Report 2004–2005*. Halle/Saale: Max Planck Institute, 2005.
- Flynn M., Kosmarskaya N. Exploring "North" and "South" in Post-Soviet Bishkek: Discourses and Perceptions of Rural-Urban Migration // *Nationalities Papers*. 2012. 40(3):453–471.
- Heathershaw J. The Global State: A Reconsideration of the Central Asian "Weak State" // M. Reeves, J. Rasanayagam, J. Beyer (eds.) *Ethnographies of the State in Central Asia*. Indianapolis: Indiana University Press, 2013: 29–54.
- Heyman J., Smart A. States and Illegal Practices: An overview // J. Heyman (ed.) *States and Illegal Practices*. Oxford: Berg publishers, 1999: 1–25.
- Hibou B. (ed.) *Privatizing the State*. New York: Columbia University Press, 2004.
- Isabaeva E. Migration into "Illegality" and Coping with Difficulties in a Squatter Settlement in Bishkek // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2013. Forthcoming.
- Kostyukova I. The Towns of Kyrgyzstan Change Their Faces: Rural-Urban Migrants in Bishkek // *Central Asian Survey*. 1994. 13(3):425–434.
- Lund Ch. Property and Citizenship: Conceptually Connecting Land Rights and Belonging in Africa // *Africa Spectrum*. 2011. 46(3): 71–75.
- Marat E. March and After: What has Changed? What has Stayed the Same? // *Central Asian Survey*. 2008. 27(3–4): 229–240.
- Marshall T. H. *Citizenship and Social Class*. Vol. 11. London: Cambridge University Press, 1950.
- O Beachain D. Tulip Revolution, Kyrgyzstan // I. Ness (ed.) *International Encyclopedia of Revolution and Protest*. Oxford: Blackwell Publishing, 2009: 3328–3333.
- Radnitz S. What Really Happened in Kyrgyzstan? // *Journal of Democracy*. 2006. 17(2): 132–146.
- Rasanayagam J. Informal economy, informal state: the case of Uzbekistan // *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2011. 31(11–12): 681–696.
- Sanghera B. Wanted: economic equality to mend Kyrgyzstan. Open Democracy. 2010. <http://www.opendemocracy.net/od-russia/balihar-sanghera/wanted-economic-equality-to-mend-kyrgyzstan> (дата обращения: 4.05.2014).
- Sanghera B., et al. *Illegal Settlements and city registration in Kyrgyzstan and Kazakhstan: Implications for Legal Empowerment, Politics and Ethnic Tensions*. Central Eurasia Project. New York: Open Society Foundations, 2012.

Shafir G. *The Citizenship Debates: A Reader*. Minneapolis: University of Minneapolis, 1998.

Schröder P. "Urbanizing" Bishkek: interrelations of boundaries, migration, group size and opportunity structure // *Central Asian Survey*. 2010. 29 (4): 453–467.

Temirkoulov A. Tribalism, social conflict, and state-building in the Kyrgyz Republic // *Berliner Osteuropa Info*. 2004. (21): 94–100.

Tudoroiu T. Rose, orange, and tulip: The failed post-Soviet revolutions // *Communist and Post-Communist Studies*. 2007. 40(3): 315–342.

Yuval-Davis N. Belonging and the politics of belonging // *Patterns of prejudice*. 2006. 40(3): 197–214.